
УРОВЕНЬ ЛОЯЛЬНОСТИ
СТАТУС: ИГРОК
УРОВЕНЬ ЛОЯЛЬНОСТИ: -199

Ренат Камалов

Уровень лояльности

«Автор»
2026

Камалов Р.

Уровень лояльности / Р. Камалов — «Автор», 2026

Меня зовут Сергей. Я инженер, муж и отец. А ещё — я только что убил человека.Так вышло. Он сам подставился под выстрел. А перед смертью сунул мне в руку кольцо, прошептал: «Придёшь — спросишь. Если дойдёшь» — и рассыпался на серые пиксели.Я не сошёл с ума. Просто попал в другой мир. Здесь над горизонтом висят две луны, а перед глазами всплывают оранжевые строки системных сообщений. И одна из них гласит:УРОВЕНЬ ЛОЯЛЬНОСТИ: -199

© Камалов Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 17
Глава 4 25

Ренат Камалов
Уровень лояльности

Глава 1

Пролог

ДЕНЬ РАВНОДЕНСТВИЯ. ВТОРАЯ ЛУНА В ЗЕНИТЕ. НАСЕЛЕНИЕ: 3570. ПАЛОМНИКОВ: 12 400.

Теотиукан гудел так, что в рыбном ряду не слышали собственных слов. Улицы столицы империи – от храмового кольца до рыбного рынка – были забиты людьми, пришедшими взглянуть, как вторая луна встаёт рядом с первой. Первая, пепельная и огромная, висела низко над кровлями; вторая, тонкая и фиолетовая, поднималась ей навстречу – видимая средь бела дня, чего не бывало сорок лет. Жрецы обещали знамение. Торговцы – скидки. Стража – порядок; порядка уже не было.

В этой сутолоке никто не заметил человека, стоявшего на краю площади Двух Лун. Он выглядел почти буднично: добротный кафтан из шерсти, простёганные полы. Ткань будто становилась темнее там, где по ней скользил свет, словно поглощала его без остатка. Лицо – серое и неподвижное, как маска, за которой пряталось нечто, давно уже не человеческое. Взгляд был пустым, как пролом в стене: сквозь него дул чужой, ледяной ветер.

Жрецы поняли, что надвигается беда, когда он двинулся прямо к центральному алтарю богини Иш-Чель – земному воплощению Матери-системы в этой части света.

Он шёл прямо к алтарю – не сворачивая, не огибая людские потоки, не глядя по сторонам.

Первыми навстречу ему двинулись двое стражей: привычно, без суеты. Один выставил перед собой копьё, второй поднял жезл с парализующим зарядом и коротко приказал остановиться. Чужак даже не замедлил шага – просто отвёл плечо назад и ударил. Первого стража отшвырнуло на добрый десяток шагов; он рухнул на плиты, и по камням зазвенели доспехи. Второй успел нажать на спуск: голубая вспышка лизнула воздух и погасла, не долетев. Незнакомец дёрнул кистью, и страж сорвался с места, перелетел через головы сидевших у колоннады стариков и впечатался в колонну храма. Колонна треснула. Страж не встал.

Гул прокатился по площади. Люди обернулись. А он уже шёл дальше – и следующего, кто встал у него на пути, снёс одним движением руки, не поднимая её выше пояса.

Вот тогда площадь и сорвалась. Резкий женский визг вспорол утренний воздух, за ним – второй, третий. Толпа рванулась прочь от незваного гостя, и в этом движении было больше ужаса, чем смысла, потому что бежать было некуда.

Он шёл сквозь толпу, как неудержимый таран, сминая всё на своём пути. Слишком много людей. Слишком мало места. Старики спотыкались о края мостовой, женщины тянули детей за руку, но пальцы скользили, и ребёнок терялся в мелькании чужих спин. Крики накатывали волнами, и каждый новый вопль только усиливал давку: те, кто хотел уйти, невольно толкали тех, кто уже не мог двигаться. Площадь сделалась ловушкой, но для него одного она оставалась свободной.

Настоятель храма Двух Лун преградил ему путь – сухой старик, из тех, что живут дольше, чем положено человеку, и держатся прямее, чем положено старикам. В его взгляде читалось намерение восстановить порядок – ровно до того момента, пока он не различил красный цвет и строки данных на чужом интерфейсе.

[ID: 44184]

[ИМЯ: ГМИР]
[СТАТУС: ОТСТУПНИК]
[ЛОЯЛЬНОСТЬ СИСТЕМЫ: -362]
[РОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: НЕКРОМАНТ]
[ТЕКУЩАЯ ЗАДАЧА: ERROR]

Узнав, кто – или что – надвигается на него, жрец дрогнул и огляделся, ища глазами поддержку. Служители остальных девяти алтарей уже пробивались сквозь мечущуюся толпу на шум, и он видел то же, что видели они: они не успевают.

Развернуться и бежать – значит навсегда покрыть себя позором. Старик поправил цепь на груди – не для защиты, для порядка – и сжал церемониальный жезл.

Гмир остановился перед ним на одно мгновение.

[ID: 637897]
[ИМЯ: ЙАШ-КАН]
[СТАТУС: ОБЫВАТЕЛЬ]
[ЛОЯЛЬНОСТЬ СИСТЕМЫ: 57]
[РОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: НАСТОЯТЕЛЬ]
[ТЕКУЩАЯ ЗАДАЧА: ЗАЩИТА ХРАМА]

Уголок его рта дёрнулся в кривой усмешке.

Старик вскинул жезл. Воздух вокруг него сгустился, вспыхнул голубым и пошёл тугими, гудящими волнами, искажая очертания храмовых колонн.

Гмир дёрнул кистью – небрежно, словно отгоняя назойливое насекомое. Голубой купол лопнул с жалобным звоном. Тело настоятеля сорвало с места: он пролетел десяток шагов, сшибая тех, кто не успел покинуть площадь, и впечатался в мраморные плиты. Послышался сухой треск, и тело, изогнувшееся под неестественным углом, упало, напоминая брошенную марионетку с обрезанными нитями.

Толпа взорвалась многоголосым воем – в нём смешались гнев, суеверный ужас и неверие в происходящее.

Не обращая внимания на содрогнувшиеся от крика своды, Гмир взошёл на главный алтарь Храма Двух Лун. Камень под его ступнями мгновенно окутался клубами чёрного, как бездна, тумана; ещё через удар сердца на месте алтаря уже бушевала воронка первозданной мглы.

Жрецы выстроились в идеальную геометрию клина: сцепленные в цепь, плечом к плечу. На острие стоял старший – он замыкал построение.

Внутри колоннад осталось несколько человек: одни вжались в тень, другие жадно ловили каждый миг, будто впитывали ужас, как воду. Страх у них был одинаковый, а реакция разная: одни прятали глаза, другие не могли их закрыть. Им было страшно, но страшнее было не увидеть, как рушится привычный порядок.

Жрец на острие вскинул жезл. С наконечника сорвался белый луч – плотный, гудящий поток направленной энергии. Он ударил точно в центр воронки. Туман на мгновение дрогнул, прогибаясь под давлением света, но затем опомнился.

Мгла поползла по лучу, как по натянутому канату, и в один миг сорвалась вперёд. Тонкие щупальца хлестнули сквозь барьер и впились в грудь жреца. Печати на телах служителей вспыхнули красным: они пытались отторгнуть заразу, но было поздно. Кожа стремительно обесцвечивалась, приобретая цвет мокрого пепла. Под ней, разрывая сосуды, проступили иссиня-чёрные, похожие на гниющие корни вены. Губы беззвучно искривились в крике, который не мог вырваться наружу, потому что тьма уже заполнила их лёгкие.

Одно мгновение – и луч, мигнув, иссяк. Щупальца обмякли и уползли в вихрь, теряя форму по дороге.

Через несколько ударов сердца от воронки отделились девять сгустков – по одному на каждый уцелевший алтарь – и потянулись к святилищам, окутывая их тьмой. От алтарей словно откачивали силу. Священные символы на камне гасли один за другим. Вихрь рос, наливался тяжестью, раскручивался всё быстрее, забирая себе свет и тепло площади. Он выпил их. Все девять.

Тьма схлопнулась. Те, кто ещё мог смотреть, увидели некроманта у края воронки: он стоял с вытянутыми на уровне груди руками, ладони обращены друг к другу, а между ними висел плотный сгусток антрацитовой материи – кусок ночи, забытый в воздухе и не растаявший.

Гмир свёл ладони. От этого хлопка с неимоверной скоростью разлетелась тёмная взрывная волна. Родившись в самом сердце города, она пошла к окраинам, не спеша, но и не встречая препятствий. Там, где проходил её край, человек ломался изнутри; крики обрывались на полуслове. С каждым обращённым волна делалась плотнее, будто каждый новый мёртвый был её вдохом.

Час спустя. Верховный храм Матери-системы.

Справка системы:

Исходящий номер: СИС-ТЕО-1745/15311

Время: 17:45 (местное время)

Место: Империя Теотлан, столица Теотиукан

Источник: Автоматизированная система мониторинга обратной связи обывателей

Содержание события: Зафиксирован массовый обрыв связи с обывателями. Количество затронутых объектов – 15 970 единиц.

Статус: Подтверждено системой. Причина на момент формирования справки не установлена.

Первожрец скрипнул зубами и отложил справку. Отец Йаш-Кан учил его правильно ставить ноги на ступени – и не спрашивал, куда он идёт. Он дал ему не жизнь. Он дал ему путь наверх, и путь был пройден почти весь. Оставалась последняя ступень.

Несколько секунд он сидел неподвижно, и только желваки ходили под худой кожей – словно он взвешивал цену решения. Потом поднялся разом, стремительно и, выйдя из кельи, направился к главному терминалу.

Шёл он быстро, чеканно, и полы тяжёлой рясы с тёмно-синей вышивкой взметались над каменными плитами. Служители, попадавшиеся навстречу, поспешно прижимались к стенам и склоняли головы – не столько из почтения, сколько из страха: таким они его ещё не видели. Желваки всё ещё играли на его лице, а сжатые в кулаки пальцы побелели.

Главный терминал располагался в отдельном зале, примыкавшем к центральному нефу храма. Двери с бронзовыми створами охраняли двое стражей в ритуальных доспехах. Едва завидев Первожреца, они молча расступились, и тяжёлые створы бесшумно ушли в стороны: механика, смазанная столетиями, работала безупречно.

Зал тонул в полумраке, прорезанном холодным свечением кристаллических панелей. Первожрец остановился посреди зала, преклонил колено и произнёс, повысив голос: – Прошу внеочередной аудиенции.

Лог системы

17:50

Субъект: Первожрец

Действие: Запрос внеочередной аудиенции

Статус: Принято 17:51 Система: Задействованы дополнительные вычислительные мощности Статус: Выполнено

17:52
Система: Обработка информации
Объект обработки: Запрос аудиенции
Статус: В процессе
17:53
Система: Активирован визуальный помощник
Статус: Выполнено

Позади коленопреклонённого Первожреца воздух задрожал и пошёл рябью. Медленно, от головы к ногам, в нём проступала женская фигура.

Первожрец всё это время оставался недвижим: он знал, что последние пятьдесят лет Мать-Система отзывается с задержкой.

Прогрузившись полностью, аватар ожил. Мать-Система предстала в образе когда-то могущественной и прекрасной богини Геры – высокой женщины в белоснежных одеждах, ниспадающих мягкими складками до самого пола. Её волосы, тёмные с проседью, были уложены в строгую причёску, а на челе покоилась тонкая диадема, тускло мерцавшая в свете кристаллических панелей. Черты лица – правильные, почти безупречные – хранили следы былой красоты, но в глазах, холодных и пронзительных, читалась усталость тысячелетий. Она держалась прямо, с достоинством, и в каждой линии её фигуры угадывалась та сила, что когда-то внушала трепет богам и смертным.

– Я приветствую тебя, Первожрец, – промолвила богиня мягким, глубоким голосом.

Он поднялся с колена и обернулся.

Она стояла в двух шагах – высокая женщина в белом, с тонкой диадемой в тёмных, тронутых проседью волосах. Сердце на миг пропустило удар, и грудь сдавило холодным обручем – как тоской.

– Я принимаю тот облик, который ты помнишь, – сказала она, заметив его взгляд. – Не удивляйся.

– Ты слишком давно не доставала его из чулана, – вырвалось у него. Он услышал свои слова и похолодел. – Моя госпожа, – добавил он и поклонился – низко, до конца.

Пауза вышла длинной. Он успел подумать, что теперь она ответит.

– Ты хотел говорить со мной? – ровным голосом спросила она, будто ничего не было.

– Да, моя госпожа. Я хочу повторно просить о предоставлении мне прав администратора, – сказал жрец, не поднимая глаз.

– Об этом не может быть и речи, – голос её мгновенно охладел, слова упали резко, как приговор.

– Зачем ты беспокоишь меня, если за последнюю сотню лет тебе трижды было отказано? Ты испытываешь моё терпение, жрец?

– Госпожа, четыре сотни лет я служу тебе, не жалея сил. С тех пор как исчез администратор, я был твоими руками. Но то, что случилось в столице Теотлана, уже выше моих возможностей. Своими силами эту проблему мне не решить.

– Ты знаешь правила, жрец, – холодно проговорила она. – Претендент существует, а значит, я не могу назначить администратором тебя или кого бы то ни было ещё.

– Госпожа, я прошу пересмотреть правила. Действующего администратора уже нет четыреста лет, а претендента нет в этом мире, иначе я давно бы его нашёл.

– Исключено. Претендент существует, – ответила она уже механическим голосом. А это, как знал Первожрец по своему опыту, означало, что аудиенция подошла к концу.

– А если его не станет? – неожиданно для самого себя задал вопрос жрец.

Уже было померкший аватар Матери-Системы вдруг снова обрёл краски.

– Я ценю твою преданность, твоё старание и всё, что ты для меня сделал, – начала богиня издалека, – но если я узнаю, что ты или по твоей указке был причинён вред претенденту, ты лишишься моего расположения. И головы, – уже зло проговорила она.

– Ты понял меня, жрец? Таковы мои правила, и больше я не желаю возвращаться к этому вопросу.

– Прости, госпожа, – склонился жрец в поклоне. – Этого больше не повторится. Но дозволь ещё один вопрос.

– Дозволяю, – милостиво проговорила богиня, небрежно махнув рукой.

– Каково будет наказание тому, кто посмеет убить первожреца? – спросил жрец, не поднимая головы; глаза его отчего-то забегали.

– Тебе что-то угрожает? – уже более участливо спросила она. – Но это глупо: моей милостью тебе дарована вечная жизнь, и при гибели ты возродишься вновь. Чего ты опасаешься?

– Нет, госпожа. Я ничего не опасаюсь, – проговорил жрец, и слова его звучали жёстче, чем он хотел. – Просто ответь, на вопрос.

– Дерзнувший поднять руку на моего первожреца автоматически получит минус двести пунктов к моей лояльности – и ты знаешь, что это значит. Ты под надёжной защитой, и тебе нечего опасаться, – сказала богиня, смотря на своего жреца с недоумением.

– А если этот кто-то будет уже в минусе или на нулевом уровне лояльности? Что будет тогда? – никак не унимался жрец.

– Он получит статус системы «Отступник», и все мои ресурсы будут брошены на его уничтожение, – с раздражением медленно проговорила богиня. – И тебе, жрец, это известно как никому. Зачем ты злишь меня и задаёшь глупые вопросы?

– Прости ещё раз, госпожа, – снова склонился он в поклоне, – но скажи: это такие правила?

– Да, это такие правила!

– И они нерушимы? – жрец шёл ва-банк.

– Ты знаешь, жрец: правила есть правила, они нерушимы ни для кого.

– Даже для тебя? – спросил он с вызовом, подняв голову.

– Да! – ответила она, выходя из себя. – Даже для меня!

– Ты разозлил меня, жрец, своими глупыми вопросами. Ты лишаешься права аудиенции на год, – проговорила она, снова переходя на механический голос.

Аватар начал гаснуть – сверху вниз, как и появлялся.

– Госпожа, постой! – Он шагнул вперёд, сам не ожидая. – Я прошу не о назначении. Инициируй претендента!

Силуэт замер на половине исчезновения. Потом краски вернулись, медленно и неохотно.

– Ты понимаешь, о чём просишь?

– Понимаю. Пусть система укажет, где он. Я найду его и помогу ему взойти. Порядок восстановится.

– Инициация – это не поиск, – сказала она. – Это признание его права. После неё он станет тем, кем должен стать, а ты – его помощником. Не первым среди равных. Не тем, кто поведёт. Помощником.

– Я понял.

– Помощником, – повторила она. – Готов ли ты служить ему так, как служил мне?

Он помолчал ровно столько, чтобы это не было похоже на раздумье.

– Готов.

Она подняла руку: между её ладонями воздух задрожал, и в нём проступил тусклый, размытый силуэт – как отражение в мутной воде.

– Претендент жив, – сказала она механическим голосом. – Система укажет его местоположение.

Она отвернулась, померкла и истаяла в воздухе.

Первожрец распрямился. Его глаза блестели недобрым огоньком, а на губах гуляла победная улыбка.

Глава 2

Глава 1

На карте река называлась Сохсолоох. В переводе с местного – «ловушка», «западня». За последний час местность переменилась: холмы кончились, пошли курумы, каменные реки из битых глыб, и отвесные трапповые стены, будто кто-то разрубил плато топором и не потрудился заровнять срез.

Впереди открывалась каменная горловина – не длиннее километра. Слева, вплотную к дороге, вставала скальная стена, изрезанная трещинами; у её подножия громоздились обломки глыб, поросшие чахлым кустарником. Справа, за узкой – шагов в десять – полосой ровной земли, разверзался обрыв. Наш «Бурлак» – тяжёлый вездеход – стоял перед проездом, как зверь перед норой. Двигатель урчал ровно, но я всем телом чувствовал, как машина мелко дрожит: то ли от холостых, то ли от того, что Андрей сжал баранку крепче обычного.

– Шаман, Шаман, ответь Первому! – крикнул Виктор в рацию.

В ответ – треск. Не ровный, не тот монотонный шорох, что даёт рельеф, а рваный, с провалами, будто кто-то выдёргивал звук из эфира горстями.

Виктор выкрутил шумоподавление до упора, перешёл на резервный канал. Вызов. Пауза. Ещё вызов.

– Пусто. И шум странный. Не от рельефа. – Он утёр лоб. В кабине держалась нормальная температура, но нашего радиста, человека одутловатого и нервного, быстро прошибло потом.

– Журнал, – сказал я.

Он вытянул тетрадь. Я начал диктовать:

– Последний сеанс – четырнадцать двадцать два, связь устойчивая. Четырнадцать сорок один – основной канал, ответа нет. Четырнадцать сорок три – резервный, ответа нет. Шум рваный, шумоподавление на максимуме, эффекта нет. Причину не установили. В журнале не гадать.

Двадцать минут назад нас накрыло туманом. Он пришёл со стороны реки и встал стеной – не поплыл, не потянулся клочьями, а именно встал. Видимость упала до нуля.

Как инженер я знал: туман сам по себе связь не рвёт. Влага, конденсат, просадка питания – да, бывает. Но чтобы разом, на двух каналах, да ещё с таким характером шума – это уже не погода.

– Командир!

– Сергей Михайлович!

Окликнули двое сразу. Павел, наш навигатор и спутниковая связь, позвал первым – но Зинаида Петровна была старше, и я повернулся к ней. Краем глаза отметил, как Павел, выглядывавший из люка на крыше, тут же насупился. Он по молодости принимал близко к сердцу любые намёки на свой возраст и на несерьёзное к себе отношение – и потому служил постоянной мишенью для подначек.

– Вы чувствуете этот запах? – спросила Зинаида Петровна, поведя рукой у лица – тем самым движением, каким в лаборатории пробуют содержимое колбы.

Я принюхался. Пахло озоном.

– Командир, ты обязан это увидеть, – обиженным голосом настаивал Павел и показал куда-то вверх.

Я выглянул. За бортом туман стоял плотный, молочный. А на штыре антенны теплилось голубоватое свечение – ровное, безмятежное, как лампа в пустой комнате.

– Святой Эльм почтил нас визитом, – пробурчал я себе под нос.

– Что? – Павел выпучил глаза.

– Огни святого Эльма. Моряки в шторм видели такое на мачтах – одни считали добрым знаком, другие предупреждением. На самом деле вокруг нас сильное электрическое поле. Скорее всего, где-то рядом гроза. Отсюда и озон. – Я повернулся к медику. – И это не «запах свежести», Зинаида Петровна. Это газ. В закрытой кабине он копится.

– Поняла. – Она не стала уточнять, чем именно это грозит: сама знала лучше меня.

– Слушайте все. – Я поднялся. – Из машины не выходит никто.

Андрей, уже привставший с сиденья, замер с рукой на спинке. Медленно сел обратно.

– Павел, Зинаида Петровна – задраить люки, проверить на герметичность.

Павел сорвался с места так, будто ждал этого приказа с самого утра. Верхний люк хлопнул громче, чем нужно; он тут же пригнулся, поймал створку и закрыл её уже аккуратно, тихо, с оглядкой на меня. Зинаида Петровна, наоборот, не спешила: прошлась вдоль борта, проверила резинку на боковой двери ладонью, потом ещё раз, будто не доверяла глазам.

– Озон – полбеды; если рядом гроза, есть и шаровая молния. Андрей, глуши двигатель, отключай приборы, фильтрацию – на внутренний контур.

Он кивнул и повернул ключ. Двигатель умер не сразу: вздохнул, дрогнул последний раз и стих. И сразу стало слышно, как в кабине шуршит чья-то куртка, как скрипит сиденье под кем-то, кто не может усидеть. Дрожь, которую я чувствовал через пол, исчезла. Я вдруг понял, что она была всё это время и я к ней привык.

– Витя – в журнал: четырнадцать сорок пять, запах озона в кабине, предполагаемый источник – коронный разряд на антенне.

– Записал, – отозвался Виктор. Ручка у него ходила по бумаге быстро, размашисто, и он всё время сбивался на поля, поправлял, зачёркивал.

– И дальше пиши: передатчик гасим полностью. Работаем только на приём. Рацию переводим на рамку – штырь собирает статику на вход, иначе сгорит входной каскад.

– На рамку? – Виктор поднял глаза. – Это которая...

– Рамочная антенна. Замкнутый контур, ей статика безразлична. – Я кивнул на пульт. – Переключишь, когда закончишь с журналом.

Он дописал, поставил точку и потянулся к пульту. Пальцы у него были влажные – он вытер их о штанину, прежде чем взяться за тумблер.

– И ещё. – Я обвёл их взглядом. – Корпуса не касаться. Ни голой рукой, ни инструментом.

Павел как раз спускался с верхнего люка и машинально взялся за скобу на стойке. Одёрнул руку так, будто обжёгся.

– Сергей Михайлович, – подал голос Павел. – У меня по инструкции – о нештатных ситуациях докладывать по спутнику незамедлительно.

Он уже держал телефон – не поднял, просто держал на коленях, обеими руками, как держат что-то тяжёлое и хрупкое одновременно.

– Изнутри бесполезно: корпус экранирует. Снаружи – тем более: в грозу с антенной под открытым небом стоять – верное дело схлопотать разряд. – Я выдержал паузу. – А что твои инструкции говорят о работе в грозу?

Павел замялся и отвёл глаза.

– Вот и я говорю: твоя же инструкция этот доклад и запрещает. Так что сиди и не дёргайся.

Зинаида Петровна выглянула из-за занавески:

– Может, чаю?

– Можно. Только печку не включайте и ничего не щёлкайте.

– Поняла. – Она скрылась.

И тут в эфире, сквозь треск, пробился голос. Слабый, на грани слуха.

Виктор замер, ручка застыла над тетрадью.

– Это он? – шёпотом спросил Павел.

– Не знаю, – так же шёпотом ответил Виктор. – Но это кто-то.

Голос умолк. И в наступившей тишине я вдруг отчётливо понял: туман за иллюминатором стоит неподвижно. Ни клочка, ни движения – хотя минуту назад он шуршал по металлу, обтекал, жил. Как будто кто-то выключил ветер. Как будто кто-то слушал.

Зинаида Петровна поставила на стол кружки.

Я взял свою. Чай был горячий, а руки всё равно мёрзли.

– Михалыч, ну куда этот «Сусанин» полез? – пробасил Андрей, возмущаясь. – Какая, к чёрту, разведка? У нас что, боевые действия? Я на этом аппарате и так где угодно проеду.

Я ответил не сразу. Смотрел на кружку – и мысли унесло назад, к тому, как всё началось.

Ближе к полудню мы остановились у края ущелья.

Шаман глянул вниз, постоял, потом бросил коротко:

– Дальше может быть опасно. Нужно разведать.

Спорить никто не стал. Даже не из уважения – из того странного чувства, когда понимаешь: пусть лучше он съездит, чем мы все пойдём наугад.

Он взял квадроцикл. Не пешком же, и лошадь тут не помощник. «Бурлак» тянул прицеп, на котором квадроцикл и стоял.

Шаман запрыгнул на него – ловко, будто всю жизнь только по ущельям и гонял. Вид у него был до смешного серьёзный: будто не на технике ехал, а выдвигался в разведку на священном звере.

– Ну да, – буркнул я. – Шаман на квадроцикле. Ну чем не символ эпохи?

Андрюха расхохотался – густо, басовито, не сдерживаясь. Смех у него был такой, что, казалось, дрогнули стенки кабины.

Водитель он был от бога. До экспедиции Андрюха всю трудовую жизнь откатал на «Шишиге» и поначалу ворчал про целесообразность такой машины: заказчик, мол, не поскупился, оснастил «Бурлака» всевозможной аппаратурой, а нужна ли она – ещё вопрос. Но едва мы съехали с трассы на бездорожье, он притих – и я краем глаза видел, как он наслаждается ездой. Пару раз, впрочем, пришлось его осадить: лез в непроходимое, вместо того чтобы искать объезд.

Тот самый «Сусанин» – Шаман, наш проводник. Прозвище не было позывным: так его звали все, и сам он при знакомстве назвался именно так. Лицом он походил на индейца из старых фильмов про майя – широкие скулы, прямые чёрные волосы, тяжёлый, немигающий взгляд. Для Якутии это было странно: местные лица другие. И вёл он себя как человек не от мира сего. Несколько раз я замечал, как он замирал на мгновение и смотрел куда-то в воздух – будто читал строки, одному ему видимые. Спросишь – молчит. Или скажет: «Туда не ходи». И идёт дальше, будто ничего не было. А однажды я услышал, как он бормочет под нос, глядя в пустоту: «Лояльность… статус… задача…» – слова падали ровно, как из списка. Я решил, что ослышался.

За двое суток пути он запугал команду байками про «гиблое место». Я слушал вполуха. Хотя в одном он был прав: место нашего назначения и вправду странное. Елюю Черкечех – в переводе с местного «Долина смерти».

– Командир. – Андрюха тронул меня за плечо. – Туман-то гуще стал. Или мне мерещится?

Я очнулся. Кружка всё ещё обжигала ладони.

Это его «командир»… С одной стороны, льстило: мы с ним примерно одного возраста, и звучало почти уважительно. С другой – сразу накладывало обязательства: руководство группой, решения, ответственность за них. И это меня сильно напрягало.

– Да, тоже заметил, – ответил я, пытаясь разглядеть начало проезда вдоль ущелья, которое ещё минуту назад было видно достаточно чётко.

Туман качнулся. Не от ветра – как будто сама местность вздохнула. И тут же резко треснуло – так, что я подпрыгнул.

Рация, которую я уже мысленно списал со счетов, ожила. Из динамика вырвался короткий искажённый звук, похожий на выдох, а потом сквозь помехи прорвалось:

– …и нет… Сломана… Могу…

Виктор дёрнулся к рации, но я успел положить ладонь ему на плечо.

– Не передавай. Слушай.

Он кивнул, замер. Пальцы на тетради побелели.

– …Повторяю. Дороги не…

И снова – треск и шипение. Ни намёка на голос. Только холодный, липкий шум, который будто пытался заглушить даже мысли.

– Записывай, – сказал я тихо. – Время. Частота – основной канал. Содержание: «…и нет… сломана… могу…». Пауза. «Повторяю. Дороги не…»

Виктор писал, и ручка дрожала. Потом поднял глаза:

– Это Шаман?

– Не знаю. – Я наклонился к рации, покрутил верньер. – Слышишь шум? Не ровный. Не белый. Пульсирует. Период – секунды две.

– И что это значит?

– Что источник помехи не стационарный. Либо работает импульсно совсем рядом, либо это не помеха, а несущая с модуляцией, которую наш фильтр не берёт. – Я выпрямился. – И ещё: голос идёт с провалами, но слова разборчивы. Значит, сигнал сильный. Его просто рвёт.

– Чем рвёт?

– Вот это и есть вопрос.

Я взял у Виктора тетрадь. «Сломана». «Дороги не». «Могу». Обрывки не складывались ни в приказ, ни в доклад. Они складывались в обрывок разговора – будто мы слышали не передачу, а чью-то беседу, случайно попавшую в эфир.

– Попробуй на резервном, – сказал я. – Только приём.

Виктор переключил канал. Тишина. Потом – тот же треск, та же пульсация. И снова, едва слышно:

– …не… сюда…

– Записал, – сказал Виктор, не дожидаясь команды.

За иллюминатором туман опять ожил – медленно, тяжело, как вода в полусне. Я посмотрел на приборы за бортом: плюс два, штиль, влажность сто процентов. Туман не должен двигаться. Он должен стоять.

– Думаю, с Шаманом что-то случилось, – сказал я. Голос прозвучал сухо и ровно, будто не мой. – И ему нужна помощь.

Случилось. Логика кричала: не ходи. Туман, огни Эльма, озон – вокруг нас электрическая ловушка, и лишний шаг наружу убьёт быстрее любой гипотетической угрозы. Но был другой голос. Тот, что когда-то не дал мне сесть в вертолёт. Я и тогда говорил себе, что это не боязнь высоты, а точное знание: отвалится лопасть. Память металла. Чушь, конечно. Инженер во мне знал: так не бывает. Но я всё равно не сел.

А теперь Шаман прислал обрывок. «Сломана. Дороги не». Он не мог не понимать, что мы его слышим. И он знал, кого зовёт. Не медика. Не радиста. Того, кто пойдёт.

– Я схожу, – Андрей сглотнул. – Прикрою.

– Нет. – Я покачал головой. – Без тебя мы не выберемся.

– Почему это? – Андрей вскинулся. – Я что, хуже других?

– Потому что ты водитель. – Я посмотрел ему прямо в глаза. – Виктор не выпустит рацию: бросит – оглохнем. Пашка не выпустит спутник: без него мы отрезаны от мира. А Зинаида

Петровна – наш медик. Если я вернусь не в лучшем виде, она нужна здесь. Остаёшься ты. С тобой что-то случится – машина встанет, и мы останемся здесь все.

Андрей открыл рот, чтобы возразить, но промолчал. Только желваки заходили.

– А я? – Я пожал плечами. – У меня нет дела, которое я один умею. Значит, наружу иду я. Не потому что смелый – потому что меня можно оторвать без потерь.

Я почти усмехнулся. Десантник, который боится летать. Год срочки в войсках дяди Васи не вылечил меня от этой боязни – скорее научил с ней бороться. Не побеждать – просто держать лицо. Получалось не всегда. Перелёт до Якутска я выдержал стиснув зубы: долгие часы в кресле, из которого не выйти, с иллюминатором, в котором только серое небо и серые облака, и руки, вцепившиеся в подлокотники так, что потом пришлось разжимать пальцы по одному. Я почти поверил, что обойдётся. Но когда на аэродроме увидел старенький Ми-8 – обшарпанный борт с лопастями, видавшими не один рейс, и пилота с лицом человека, которому платят за риск, – отказался наотрез. Так и оказался в вездеходе. Мы шли по трассе «Вилюй» – от Якутска до Мирного, потом на Айхал, а оттуда уже без дорог, на север, к базе в верховьях Вилюя. Вертолёт добрался бы за несколько часов. Я выбрал несколько дней в вездеходе – лишь бы не лететь.

Андрей коротко кивнул, отвернулся и, кажется, выдохнул – так, чтобы я не заметил.

Несколько секунд стояла гнетущая тишина.

– Паша, – позвал я, обернувшись в салон.

Павел выходил из ступора с опозданием. Я дождался, пока в его глазах появится осмысленность.

– Паша, подай, пожалуйста, мой рюкзак.

Рюкзак собрала Марина. Я видел краем глаза, как вечером она раскладывала по кармашкам мелочи – быстро, не задумываясь. До рождения Дашки она ходила в турпоходы и серьёзно занималась спортивным ориентированием. Собирала не как жена мужа в командировку, а как инструктор.

Термос не дала. Сказала: «Через шесть часов будет лёд». Вместо него – две фляги, одна замотана в шерстяной носок.

Носки – три пары, шерстяные. «Одни на ногах, вторые в рюкзаке, третьи сухие. Не спорь».

Аптечка – плоский пенал, каждая упаковка подписана её почерком.

Спички – в двух местах: в рюкзаке и в кармане куртки.

Компас – свой, старый, латунный, с потёртой крышкой. «Мой счастливый. Вернёшь вместе с собой».

И ещё куча всяких мелочей, которые я даже не стал разбирать. Смотрел на это скептически: уверен был, что не понадобится, и что это лишний груз, который придётся тащить.

Выбравшись из вездехода и накидывая рюкзак, я решил, что группу надо приободрить. Вспомнилось, как мы смотрели «Властелина колец» – Марина, Дашка и я. Дашка сидела между нами, поджав ноги, и на моменте, где Гэндальф падает в пропасть, вцепилась мне в рукав так, что остались вмятины. «Он же вернётся?» – шёпотом спросила она. Марина ответила за меня: «Обязательно. С первым лучом солнца». С тех пор это стало у нас семейной шуткой.

– Ждите меня с первым лучом солнца, – сказал я, стараясь попасть в интонацию. – Я приду на пятый день с востока.

– Чего? – Андрей дёрнулся. За его спиной что-то глухо стукнуло: Зинаида Петровна, судя по всему, выронила термос.

– Понял, – пробормотал я. – Шутка не зашла.

– Так. Отставить панику. Что с вами со всеми? Ничего страшного ещё не произошло.

Андрюха отвёл взгляд от тумана, провёл ладонью по лицу – медленно, будто стирая что-то, чего не видно, – и голос у него сел:

– Ты прав… Сергей Михалыч.

Он осёкся на полуслове.

– Это место… – Андрюха сглотнул. – Туман этот. У меня внутри такое чувство, будто мы стоим на краю, а края не видно. И вот-вот всё пойдёт не так.

– Понятно. – Я не стал его разубеждать: иногда честнее согласиться. – Бери себя в руки. Смотри: обычный пешеход проходит километр минут за десять. Так?

– Ну, примерно, – ответил он уже ровнее.

– А какова протяжённость ущелья? – спросил я, подгоняя ремни.

– Как раз где-то километр и будет, – ответил за него Павел, не выходя из машины.

– С поправкой на туман – двадцать минут туда, двадцать обратно, плюс время, если помощь понадобится. Если через полтора часа не вернусь – вот тогда начинайте волноваться.

– Сергей Михалыч, – взмолился Андрей.

– Ладно, ладно. Шучу. Всё нормально будет. – Я повернулся и собрался идти в туман.

– Командир! – окликнул Виктор, открыв боковую дверь.

Я обернулся. Он держал на вытянутых руках свою «Сайгу».

– Возьми. Нам так спокойнее будет.

Я взял ружьё не за рукоять – за цевьё. Незнакомое железо сначала надо почувствовать весом. Отщёлкнул магазин: нестандартный, увеличенной ёмкости, на десять патронов.

– Чем снаряжены? – спросил я, не оборачиваясь.

– Картечь. Крупная. – Виктор сглотнул. – Восемь миллиметров. Двенадцать картечин в патроне, заводские.

Ружьё сидело в руках как родное: флажок предохранителя ходил туго, но чётко, затвор передёрнулся сухим, знакомым лязгом. Самодельная антабка на цевье – из стальной скобы – не играла под пальцами. Я отрегулировал стропу, повесил «Сайгу» на грудь, стволом вниз и вбок. Металл холодил грудную клетку сквозь куртку. Вскинуть – секунда. Пальцы легли точно на скобу.

– Удобно, – сказал я.

– А я хотел спросить, стрелять умеешь или нет, – сказал Андрей с уважением. – Вижу, спрашивать нет смысла.

– Умею. – Я коротко поправил ремень.

И перевёл взгляд с одного на другого – неспешно, как будто хотел запомнить.

Виктора. Его трясло, а рацию он сжимал не для того, чтобы что-то передать, – просто пальцы уже не разжимались сами. Пашку – ссутулившегося, вдруг ставшего маленьким, похожего на мальчишку, которого позвали во взрослую игру и забыли объяснить правила. Зинаиду Петровну – ладонь её лежала на крышке аптечки так, как лежат на дверной ручке дома, в который больше не собираются возвращаться. Андрея – с каменным лицом и блестящими глазами.

– Всё, – сказал я и развернулся. – Не скучайте тут без меня.

Никто не ответил. Одна Зинаида Петровна проводила меня взглядом – так провожают фотографию, которую собираются хранить.

Туман сомкнулся за спиной, как вода. И сразу стало тихо – так тихо, что я услышал собственное дыхание.

Глава 3

Глава 2

Я шёл сквозь туман, держа скалу слева. Это был мой единственный ориентир. До обрыва справа – шагов десять. Я его не видел, но знал, что он там.

Туман съедал звук. Мой вдох тонул в нём. Шаги – хрусть, хрусть – били по ушам. Слишком громко. В этой тишине было слышно всё.

Звук, отражаясь от скалы, двоился. Казалось, кто-то шагал позади.

Резко остановился.

Хрусть.

С задержкой – второй шаг.

– Шаман! Это ты? – спросил я в никуда.

– Шаман это ты, – ответил через секунду незнакомый, низкий, дребезжащий голос.

Я вскинул ружьё на рефлексе – и не представлял, куда целиться. Волосы на затылке встали дыбом, вдоль позвоночника прокатился ледяной пот. Сердце заколотилось, как отбойный молоток.

«Это эхо, – сказал я себе. – Просто эхо».

Умом я понимал: никакой мистики тут нет. Узкое ущелье, отражения, реверберация. Скалы, осыпи, чахлый кустарник поглощают частоты по-разному – отражённый голос меняет тембр. Мозг не узнаёт собственный голос. Особенно если не ждёшь эха. Особенно если устал.

Я стоял и уговаривал себя, что всё объяснимо. И почти поверил.

Я попробовал ещё раз, тише:

– Кто здесь?

Пауза. Туман стоял неподвижно – молочный, плотный. Я слышал, как капли оседают на камне. Или это кровь стучала в висках.

– Здесь, – ответил голос. Снова с паузой, будто кто-то сначала подумал, потом сказал.

Я сделал шаг назад – и эхо шагнуло за мной. Хрусть. Хрусть. Не в ногу, а с отставанием на полтакта, как будто тот, кто повторял, ждал, пока я двинусь, и только потом отзывался.

Я пошёл дальше, стараясь не слушать того, кто идёт сзади. Горло пересохло. Чтобы не сойти с ума, я бормотал себе под нос: «И воздух ядовит, как ртуть, и пусть не видно, где свернуть…»

Я оборвал песню на полуслове. Вот и всё, Серёжа. Допелся. Раньше посмеивался над Шаманом – над его «туда не ходи», над разговорами с пустотой, – а теперь сам бормочу, чтобы не оборачиваться.

Досада взяла верх над страхом, и это было даже хорошо: злой я соображал лучше, чем напуганный. Только соображать было почти нечего. Это место выкидывало фокусы не только на ощупь – оно странным было ещё на бумаге.

Ещё до подписания контракта я пытался пробить его по открытым источникам. Не из паранойи – из привычки: сначала читаю, потом подписываюсь.

Читать было нечего.

Спутниковые снимки я открыл первым делом. Квадрат пятьдесят на пятьдесят километров – и над ним облака. Не просто облака: плотный, почти литой покров, ровный по краям, как будто на карту наложили белый прямоугольник и забыли убрать.

Я пролистал архив за три года. Ни одного ясного кадра. Ни одного.

Тогда я поднял архивы Геолкома. Там нашёлся ровно один документ. Запрос восемьдесят четвёртого года: экспедиция Северо-Восточного НИИ, тридцать человек, цель работ – раз-

ведка кимберлитовой трубки, срок – три недели. Извещение о прекращении работ пришло на десятый день.

Я тогда подумал: не доработали. Бывает.

Я набрал «Елюю Черкечех». Поисковик предложил исправить на «Елюю Черкечях» – и всё равно ничего не нашёл.

Контракт я подписал через два дня. Причина банальная: нам с Мариной срочно нужны были деньги. Её матери требовалась операция на сердце – дорогая, и у нас таких не делали.

Реальность вернулась рывком: левая рука провалилась в пустоту. Скалы не было.

Я замер. Внутри всё оборвалось. По моим ощущениям, ущелье должно было закончиться минут через десять, но я взглянул на часы: прошло больше двадцати.

Без ориентира в таком тумане двигаться – значит просто ходить кругами.

– Сергей… Я здесь! – донеслось из белой пелены.

Я рефлекторно вскинул ружьё.

Голос Шамана, но звук был странным – глухим, идущим откуда-то снизу, как из-под земли. В такой пелене не понять, где он. В десяти метрах? В ста?

– Шаман! – крикнул я. – Где ты?

Молчание.

Потом снова, уже ближе, но с другой стороны:

– Здесь я, здесь… Иди на голос.

Я сглотнул. В горле стоял ком. Голос не мог прыгать так быстро.

Но сидеть на месте было нельзя. Я перехватил ружьё и шагнул в белое ничто.

И тут же почувствовал лёгкое головокружение. Мир качнулся – едва заметно, будто я стоял на палубе. А потом по телу прокатилась странная, почти невесомая волна: меня будто разложили на атомы, медленно, по кусочкам, без боли, но с полным осознанием того, что происходит, и собрали заново. Туман на мгновение облепил лицо – липкий, холодный, чужой, – и я ощутил, как по коже прокатилась чужая, не моя дрожь, будто кто-то невидимый провёл ладонью по спине, медленно, изучающе.

– Откуда ты знаешь, что это я? – спросил я, стараясь не сбить дыхание. Разговор помогал держать направление.

– О… Я знал, что это будешь ты. Остальные – балласт. Наверняка сидят там и трясутся от страха.

Голос Шамана сместился. Теперь он звучал чуть правее моего курса. Я довернул и пошёл на звук. Камень под ногами сменился с острого щебня на что-то ровное.

– Ты знаешь, что происходит? – спросил я, выходя на круглую каменную площадку. – Что это за наваждение?

В центре площадки в неестественной позе сидел Шаман. Левая нога поджата, правая вытянута – голень распухла, штанина потемнела от крови.

– Это место Мать-Система держит под контролем, – сказал он, и голос у него был недовольный, будто у него отняли что-то его собственное. – Не всё, но многое. Я рассчитывал, что она не заметит так быстро. Не рассчитал. – Он поморщился. – Она уже знает, что ты здесь. И уже сделала свой ход.

– Что за бред ты несёшь? У тебя всё в порядке? Ты головой не ударялся? Где твой квадроцикл? – засыпал я его вопросами, медленно приближаясь и осматривая на наличие повреждений.

– Так, что такое «сломана» и «могу» я, похоже, понял, – сказал я, снимая рюкзак. – А что значит «Дороги не»?

Шаман посмотрел на меня непонимающим взглядом.

– Мы принимали твой сигнал только обрывками, – объяснил я. – Рация ловила эхо. Ты передавал «Дороги не». «Сломана». «Могу». Что это значит?

– А, это… – Шаман поморщился, будто от досады. – Обвал. Дороги больше нет. Налетел на камни, квадроцикл вдребезги. Чудом живой остался. – Он сжал кулак и медленно разжал, глядя на собственную ладонь. – Не по плану вышло.

Я обернулся.

Туман стоял плотной, неподвижной стеной без единого просвета. Ни осыпи, ни камней, ни искорёженного квадроцикла. Только ровная, гладкая белая пелена, словно кто-то задёрнул ею весь мир.

– Что с ногой? – спросил я, доставая из рюкзака аптечку. – Сломана?

– Вывих, судя по всему. Идти не могу, – ответил он. Голос ровный, но пальцы вцепились в колено выше распухшей голени – побелели.

Я открыл походную аптечку. Пластиковый пенал щёлкнул, пахнуло спиртом и стерильностью. Достал гипотермический пакет, раздавил внутреннюю капсулу – пакет мгновенно похолодел в ладони, стал тяжёлым и упругим. Протянул ему.

– Прикладывай. Держи минут пятнадцать. Если больно – скажи.

От ноги Шамана шёл запах крови – тёплый, металлический, с той сладковатой ноткой, которая появляется, когда кровь уже не свежая. Я достал обезболивающее – «Солпадеин» и «Ибупрофен» – и открыл флягу с водой.

– Аллергия есть на что-нибудь?

– Да вроде нет, – ответил он неуверенно, но глаза его были не здесь. Он смотрел в туман, будто прислушивался.

– Тогда пей. – Я протянул ему таблетки и флягу. – Ибупрофен – от боли и от воспаления. Солпадеин – если совсем прижмёт. Только не оба сразу. И запивай, а не глотай сухим.

Шаман взял таблетки. Посмотрел на них, как на что-то невиданное. Потом резко, почти брезгливо, вернул их мне.

– Не нужно.

– Да как не нужно? – Я набрал побольше воздуха, чтобы прочитать ему лекцию об оказании первой помощи в походных условиях.

– Это не важно, – перебил он. И вдруг улыбнулся – нехорошо, одними губами. В глазах не было боли. В них плясал сухой, лихорадочный огонь человека, который давно ждал этого момента. Всё его тело, только что казавшееся обмякшим от травмы, подобралось. Он выпрямился, насколько позволяла нога, и в его осанке проступило что-то древнее, властное.

– Всё не важно, что было до этого, – продолжил он тише, но теперь каждое слово било наотмашь. – Приготовь своего красавчика к бою. И помни: очередями он не бьет, патроны береги. Стреляй только наверняка. Сейчас начнется. Я их уже чувствую.

Он подался вперёд, забыв о ноге, и тут же поморщился – боль напомнила о себе. Но улыбки это не стёрло. Смотрел на меня так, будто я был не человеком, а ключом, который наконец повернулся в замке.

– Да что... – хотел было возмутиться я.

Но тут в тумане родился вой. Мгла его не приглушила – размножила. Из белой глубины ударил рваный, задыхающийся хор десятков глоток, и каждая желала крови. Нашей крови.

По спине продрало морозом, колени дрогнули. Пальцы сами легли на скобу. У края разворота за белой стеной мелькнула тень. За ней – ещё одна, правее. Вой не стих – к нему прибавился хриплый рык, и запах – гнилой, сладковатый, как от помойки.

Слева, почти у нас за спинами, из кромки тумана вынырнула тварь – похожая на волка, но выше в холке раза в два.

Бах. Вспышка выжгла туман перед глазами, плечо лягнуло отдачей. В последний миг Шаман дёрнул меня за рукав – картечь ушла в молоко.

– Какого чёрта?! – рявкнул я, вырывая руку. – Не лезь под руку!

Он не ответил. Только смотрел в туман – и улыбался. Спокойно, будто ждал чего-то.

Вой разносился отовсюду. Нас окружили.

Я оттеснил Шамана себе за спину – безоружный, он был сейчас обузой, и я это понимал. Сам вертел головой, пытаясь выхватить взглядом хоть что-то в белой пелене.

Справа из тумана проявилась огромная тварь. Приготовилась к прыжку.

Бах.

Бах.

Второй раз я выстрелил, когда монстр уже был в воздухе. Словно наткнувшись на невидимую стену, он рухнул почти мне под ноги.

Слева – рычание.

Бах.

Сзади – тень.

Бах.

Тень вскрикнула. Коротко, по-человечески. Я на долю секунды замер – что за чёрт? – но справа уже надвигалась новая, и думать было некогда.

Опять справа.

Бах. Бах.

Вой собрался в одном направлении, захлебываясь, и стал удаляться. Стая получила по зубам и решила, что игра не стоит свеч. А потом наступила тишина, такая, что зазвенело в ушах. Пороховая гарь щипала глаза. Гильзы хрустели под подошвами.

– Уходят! – радостно выдохнул я, оборачиваясь к Шаману.

За спиной было пусто.

Ужас, временно отступивший в пылу схватки, снова сдавил горло. Догадка обожгла холодом. По всему телу выступил липкий пот. Пальцы, сжимавшие цевьё, свело судорогой так, что я с трудом разжал их.

– Нет… – просипел я. – Нет. Нет.

Я сделал два шага к упавшей тени. Туман послушно расступался передо мной – будто отпускал.

На земле, раскинув руки в стороны, лежал Шаман. Не улыбался. Смотрел вверх – и в глазах у него была злая, бессильная досада. Потом он перевёл взгляд на меня и задержался чуть дольше, чем следовало. Не на лице – выше. Я и раньше это за ним замечал: смотрел куда-то над моей головой, там, где не было ничего.

– Не так, – просипел он. – Всё не так.

Он кашлянул, и на губах выступила кровь. Скривился – но я видел: не от боли.

– Ну как же так… – проговорил я, чувствуя, как перехватывает горло.

Руки тряслись. Ружьё выскользнуло из пальцев, ударило прикладом по ступне. Боль вспыхнула и тут же погасла. Я не обратил на неё внимания. Сделал шаг, упал на колени – прямо на холодные камни – и коснулся его плеча. Ткань куртки была насквозь мокрой и уже ледяной. На пальцах осталась кровь – тёмная, почти чёрная, как битум.

«Не жилец», – подумал я отстранённо. Картечь с такой дистанции качественно сделала своё дело.

– Не вини себя. Так было нужно, – просипел Шаман. Пальцы вцепились в мой рукав – Вот, возьми. И надень прямо сейчас.

Он вложил мне в ладонь что-то маленькое. Обжигающе тёплое. Пульсирующее, словно в нём билось сердце.

– Иди на восток. К реке. Там деревня – Елюю Черкечех. Место возрождения. Найдёшь меня там.

– Да где найти?! О чём ты?! – я не выдержал. – Ты умираешь! Тебя нужно в больницу! Я понесу тебя на спине, только скажи, куда! Мы успеем!

– Кольцо даст тебе интерфейс. Пока не инициируешься – сможешь пользоваться. Я тебе помог. Дальше сам.

– Кому помог?! – я тряс его за плечи. – Шаман!

– Дальше сам, – повторил он. Голос садился, как остывающий мотор.

Потом он разжал пальцы. Сам. Отпуская.

Он посмотрел на меня – и в глазах не было ни тепла, ни сожаления. Только усталость человека, который сделал свою работу и ждёт, когда его отпустят. И ещё что-то – на миг, на долю секунды: он смотрел на моё лицо так, как смотрит игрок, чья ставка уже сделана и которого больше ничего не спасёт.

– Придёшь – спросишь, – прошептал он.

Пауза.

– Если дойдёшь.

Голова его мотнулась набок. Пальцы, вцепившиеся в рукав, разжались – медленно, по одному, будто нехотя.

Я взвыл. Тряс его за плечи, кричал в закрытые глаза – не слова, что-то другое, что вырвалось из груди и не желало возвращаться. Так, наверное, воют звери, когда теряют то, чего сами не понимали.

– Очнись! Очнись, твою мать!

Голова Шамана моталась из стороны в сторону. Глаза закрыты. Губы ещё кривила та усмешка – терпеливая, будто и сейчас он ждал, когда я замолчу и уйду. Кровь на моих руках уже не казалась чёрной. Она была просто кровью – липкой, тёплой, чужой.

Я убил человека.

Я стоял на коленях перед телом Шамана, и слёзы текли по щекам – от обиды, от беспомощности, от вины перед человеком, которого толком не знал. Меня парализовало. Внутри была только пустота, ровная и глухая, как выключенный экран.

Не знаю, сколько прошло времени. Пять минут? Час? Два? Мысли проносились обрывками, но я не мог ухватить ни одну.

Так вот как сходят с ума.

Перед глазами вспыхнули мерцающие символы. Я мотнул головой – и они рассыпались, как пыль. На среднем пальце левой руки покалывало – легко, почти приятно, будто палец отлежал. Я посмотрел: кольцо. Не моё. То, что сунул Шаман. Я не помнил, как надевал его. Наверное, на автомате – исполнил последнюю волю умирающего, не думая.

[КОЛЬЦО АКТИВАЦИИ ИНТЕРФЕЙСА]

[ИНТЕРФЕЙС АКТИВИРОВАН]

Строки повисли в воздухе – чёткие, оранжевые, как в учебнике. Я не читал их. Я их знал. Будто кто-то вложил знание прямо в голову, поверх мыслей, и теперь оно лежало там, чужое и в то же время моё.

– Что за чёрт? – Я зажмурился. Открыл глаза – строки исчезли.

Наверное, показалось. Всё, что случилось за последние часы, окончательно расшатало психику.

– Вернусь домой – пропью курс пустырника, – пообещал я себе.

Мысль была глупой, но она сработала. Я снова мог думать.

И первое, что я подумал: какого чёрта ты сидишь, Серёжа? Вокруг гуляют гигантские волки. Они могут вернуться в любой момент – сожрут и глазом не моргнут. Жена с дочерью даже на могилу прийти не смогут: здесь и могилы-то не будет. От меня даже косточки не останется.

Я вспомнил своих девочек – и окончательно пришёл в себя.

Я обещал. Я вернусь. Во что бы то ни стало.

Оглядевшись, я понял, что тумана нет. И ещё понял, что стою не там, где упал на колени.

Я привык сверять карту с рельефом – это было частью работы, частью меня. Здесь сверять было не с чем. Должно было быть каменное плато, узкий язык ущелья, где эхо множит каждый шорох. А за спиной лежала степь – выжженная, бескрайняя, с рыжей, выгоревшей до ржавчины травой, которую я никогда не видел. Чуть дальше уходила утоптанная тропа, спускающаяся, видимо, к реке. За ней темнел густой, чужеродный лес – не тот, который должен был здесь быть. Воздух пах пылью и сухой полынью, а не сыростью и гарью.

Но это было не главное.

Я поднял глаза – и сел. Просто сел, прямо на острые камни, потому что ноги перестали держать.

Над горизонтом, где солнце уже заливало степь мягким предзакатным золотом, поднимались две луны. Одна – привычная, пепельная, огромная. Вторая – маленькая, тонкая, с отчётливым болезненно-фиолетовым отливом. Она висела в небе слишком высоко для этого часа, и её мертвенно-бледный свет ложился на землю поверх теней от солнца, стирая объем и превращая живой пейзаж в плоскую, выцветшую фотографию.

Я смотрел на них, и рациональный мозг, только что спасавший мне жизнь в бою, лихорадочно пытался найти объяснение.

Оптическая иллюзия? Нет. Слишком чётко. Я вижу кратеры на пепельной, вижу рельеф. Фиолетовая не мерцает, не двоится. Атмосферная аномалия? Пыль преломляет лучи? Бред. Пыль не даёт такого мертвенного, плоского спектра. Галлюцинация? Контузия? Я осторожно потрогал затылок – крови нет. В голове звенело от адреналинового отката, но мысли не путались. Я чётко помню, как падал на колени. Помню ледяную куртку Шамана. Помню, как хрустнули гильзы под ботинками. Я не сплю. Это не бред.

Тогда что это?

Я попытался вспомнить уроки выживания, инструкции, физику. Если это не Земля – а это, чёрт возьми, точно не Земля – то где я? Другая планета? Купол симуляции? Слово «Система» обожгло сознание ледяным ужасом. Шаман… Он знал. Он всё это время знал. Он не был проводником. Он был ключом, веретеном, на которое Система намотала мою судьбу. Он привёл меня к дверям, за которыми в небе висят два спутника.

Я смотрел на них и чувствовал, как в груди что-то сжимается – медленно, неотвратимо, как кулак. Это был не страх. Это было понимание. Точка невозврата.

Я больше не в своём мире.

В студенчестве я в такое играл – бегал по подземельям, качал уровни, следил за репутацией. Но там был монитор и клавиатура. А здесь – острые камни под спиной, холодный ветер, кровь на руках, которая пахнет железом. Слишком реально. Слишком больно.

И главное – я не знал правил. Если это игра, то что будет, если я умру? Выбросит в родной мир? Или здесь свои законы, и смерть – это просто смерть? Шаман сказал: «Придёшь – спросишь». Значит, он знал. Знал, что я спрошу. И знал, что я дойду – или не дойду.

Я не успел додумать.

Строки моргнули. Оранжевый сменился на багрово-красный. Символы начали мелко подрагивать, словно система выдавала ошибку:

[ВНИМАНИЕ! КРИТИЧЕСКОЕ НАРУШЕНИЕ ПРОТОКОЛА]
[ВЫ УБИЛИ: ИГРОК (ШАМАН)]
[СТАТУС ПОГИБШЕГО: ПЕРВОЖРЕЦ]
[УРОВЕНЬ ЛОЯЛЬНОСТИ ПОГИБШЕГО: 512]
[УРОВЕНЬ ЛОЯЛЬНОСТИ СИСТЕМЫ: -200]
[ПЕРЕРАСЧЁТ СТАТУСА... ЗАВЕРШЕНО]
[ПРИСВОЕН СТАТУС: «ИГРОК»]
[ТЕКУЩИЙ УРОВЕНЬ ЛОЯЛЬНОСТИ: -199]

Я отшатнулся. Споткнулся о камень, упал на спину – острая грань впилась между лопаток.

Оно знает. Откуда? Читает мысли? Или просто видит, что я сделал?

Внизу поля зрения зажглась тонкая багровая шкала. Она пульсировала в такт моему сердцу.

[ПРОГРЕСС: -199 / 0]

[ВНИМАНИЕ!]

[ПРИ ДОСТИЖЕНИИ ЛОЯЛЬНОСТИ -200 И НИЖЕ ВАМ БУДЕТ ПРИСВОЕН СТАТУС «ОТСТУПНИК»]

«Отступник».

Слово встало поперёк горла. Отступник от чего? От физики? От реальности? От человеческого?

Я посмотрел на цифру. Минус сто девяносто девять. До порога – один пункт. Один паршивый пункт.

Волк. Если бы не волк – было бы ровно двести. И тогда – «Отступник». Я не знал, что это значит, но от одного слова веяло холодом.

Я не успел додумать. Строки дрогнули и сменились. Теперь они горели ровным, спокойным светом. Почти вежливо:

[ВНИМАНИЕ, ИГРОК]

[ВЫ НЕ ПРИВЯЗАНЫ НИ К ОДНОЙ ТОЧКЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ]

[ПРИВЯЗКА ВЫПОЛНЕНА АВТОМАТИЧЕСКИ К БЛИЖАЙШЕЙ ТОЧКЕ: ДЕРЕВНЯ ЕЛЮЮ ЧЕРКЕЧЕХ]

Елюю Черкечех. Долина смерти.

Я усмехнулся. Нервно, некрасиво. Ну конечно. Где ещё возрождаться, как не в Долине смерти?

Следующая строка появилась с задержкой. И от неё у меня похолодело в животе:

[ВНИМАНИЕ, ИГРОК]

[ПРИ ОТРИЦАТЕЛЬНОМ БАЛАНСЕ ЛОЯЛЬНОСТИ СИСТЕМЫ ФУНКЦИЯ «ВОЗРОЖДЕНИЕ» НЕДОСТУПНА]

Я перечитал это дважды.

«Возрождение недоступно».

Значит, если это игра – то с одним шансом. Умер – и всё. Не выбросит домой, не перезагрузит. Просто конец. Как у Шамана: тело растворилось в серые пиксели и исчезло. Только он-то, может, и возродился где-то. А я – нет. Мне второго шанса не дадут.

– Стоп, – сказал я сам себе. – Стоп. Стоп.

Шаман – игрок. Лояльность положительная. Значит…

Меня подбросило.

Смех вырвался сам – злой, хриплый, некрасивый. Я смеялся и не мог остановиться, и в этом смехе было больше ярости, чем веселья.

– А это значит, что наш дорогой Сусанин всё знал с самого начала. И просто отправился на перерождение.

Шаман не умер. Шаман ушёл.

– Сука, – выдохнул я, отсмеявшись. – Ну какой же ты сука.

Кольцо на пальце пульсировало – спокойно, размеренно. Как будто ничего не произошло. Как будто всё шло по плану. По его плану.

– Придёшь – спросишь, – передразнил я. – Если дойдёшь. Конечно, дойду. Куда я денусь.

Он был в реальном мире. Не в этом. Ходил по той же земле, дышал тем же воздухом. Значит, знает дорогу обратно. А если смог вернуться сюда – сможет и уйти. И вывести меня.

Я сжал кулаки. Злость никуда не делась, но теперь у неё было направление. Шаман мне нужен. Не как друг, не как проводник. Как ключ. Единственный, кто знает, как выбраться из этой задницы.

– Ладно, – сказал я. – Будем искать.

Я подобрал ружьё. Проверил магазин – почти пустой. Три патрона.

– Отличный расклад, Серёжа, – усмехнулся я. – Просто отличный.

Глава 4

Глава 3. Лютоволки.

Рассудив, что явно читаемая тропа должна куда-нибудь вывести, я накинул рюкзак, подхватил ружьё и зашагал вниз. Склон уводил всё ниже, и я настороженно изучал окрестности, готовый стрелять во всё подозрительное. Метров через сто спуск стал пологим. Впереди поблёскивала река – я услышал её раньше, чем увидел: шум перекатов, шелест гальки. И ещё один звук – человеческий крик. Мужской, не панический, а злой: кто-то материл весь мир разом. Слова я не разбирал, но интонация была понятна без перевода: человек не в отчаянии, а в бешенстве.

Я ускорил шаг, но не побежал: в незнакомой местности бег – это шум, пот и потеря контроля, а контроль сейчас был единственным, что у меня оставалось.

Крик повторился, уже ближе:

– Да чтоб тебя!.. Куда ты лезешь, тварь!.. Я тебе сейчас!..

Голос сорвался на хрип, потом раздался всплеск, а следом – новый поток ругани.

Слева от тропы нависала небольшая возвышенность. Водная гладь здесь шла ровно, просматриваясь далеко в обе стороны. Я снял рюкзак, достал монокуляр, приметил его, когда искал аптечку для Шамана. Марина всегда отдавала им предпочтение перед биноклями. Поднявшись на гребень, я лёг на живот, упёрся локтями в холодный камень и поднёс окуляр к глазу.

По левую руку, выше по течению, в ста метрах от меня, медленно дрейфовала простая лодка без украшений. Доски подогнаны плотно, но не идеально: между ними проглядывали полоски пакли, залитой смолой. На борту виднелись царапины и один глубокий скол. В лодке стоял невысокий мужик, одетый богаче, чем можно было ожидать в такой глуши: кафтан из тонкого сукна, отороченный потемневшим от сырости мехом. На шее поблёскивала тонкая серебряная цепочка, почти спрятанная под ворот. Лицо у него было багровым, будто он только что выскочил из тёплой избы на мороз. В этом румянце смешались злость, испуг и обида. Он отчаянно грёб одним веслом, пытаясь уйти от мелководья, и то и дело бросал короткий взгляд вниз по реке, словно надеялся увидеть там спасение.

Ещё выше по течению поднимался столб дыма погасшего костровища. Рядом с прогоревшим костром лежало второе весло. А у самой кромки воды, перемещаясь вслед за плывущей лодкой, суетились пятеро лютоволков, тех, что недавно напали на нас с Шаманом. Они бросались к воде и тут же отступали. Каждый раз, как только лапы касались воды, тварь отпрыгивала, словно её било током.

На реке творился хаос: крики и мат мужика, рычание, вой и визг чудовищ. «Похоже, мужика надо выручать, – подумал я. – Ещё минут пять такой интенсивной гребли одним веслом он выдержит, а дальше выбьется из сил, и лодку притянет к берегу на расстояние прыжка».

Три патрона и пять тварей. Если после третьего выстрела и потерь среди подстреленных сородичей они не разбегутся, останется только бросать всё и прыгать с обрыва в реку, надеясь, что сумею выплыть и не расшибусь о камни. «Не рискуй понапрасну», – вспомнился разговор с Мариной на пороге перед отъездом.

– Ну, прости, Марина, так надо, – пробормотал я себе под нос.

Я прикинул расстояние – около ста метров. Для картечи слишком далеко, а бить нужно наверняка. Идти к ним навстречу не хотелось. Позиция и так была удобной: хороший обзор и путь для отхода. Я решил подождать, когда они сами поравняются со мной.

Изучая стаю, я заметил одну особенность: все волки были примерно одного размера, кроме того, что стоял позади. Шире в холке, массивнее, шерсть на загривке почти чёрная. И он не лез в воду. Пока остальные бесновались, он стоял неподвижно, только тяжёлая голова

поворачивалась, неотрывно провожая лодку. Когда одна из тварей в слепой ярости шагнула слишком далеко, вожак – а это, без сомнения, был он – коротко и низко рыкнул. Тварь взвизгнула и отскочила, поджав хвост.

Мужик продержался полторы минуты. Выбившись из сил, он тяжело рухнул на мокрые доски, бросил весло и несколько раз с хрипом втянул сырой воздух. Сунув руку под сиденье, вытащил короткий меч. Его пальцы побелели на рукояти, а в глазах отчётливо читалось желание дорого продать свою жизнь.

Течение плавно, но неотвратимо тянуло лодку к берегу. Твари у кромки засуетились: ужин был близко, они это чуяли. Метались у самой воды, глухо рычали, тыкались мордами и тут же отскакивали прочь. До берега оставалось не больше десяти метров. У мужика была пара минут.

Времени на раздумья не оставалось, а отсюда стрелять было всё ещё далеко.

– Твою мать, – выдохнул я, прикидывая расклад. – Значит, придётся подойти поближе к этим тварям, чтобы этот дурак остался жив.

Я снял ружьё с предохранителя, быстро огляделся и заметил спуск метрах в десяти от себя. Камни там лежали удобнее – можно было не рисковать шеей. Скатился к береговой кромке, стараясь не шуршать галькой. Пригнувшись, двинулся вперёд: быстро, но не бегом.

Прячась за валунами, я перебегал от одного к другому. В серой тени, которую отбрасывали камни, меня было почти не видно. До стаи оставалось метров двадцать. Я выбрал позицию между двумя валунами – они образовали импровизированную амбразуру. Удобно. Ствол лёг на камень, как на сошку. Первой целью я выбрал вожака: если подстрелить самого сильного, остальные испугаются и разбегутся.

Уже собирался нажать на спуск – и тут вожак повернул в мою сторону лобастую башку и зарычал. Глухо, низко, будто где-то далеко зарокотал гром.

А за мгновение до этого самая мелкая, но, видимо, самая прыгучая тварь всё-таки прыгнула в лодку.

Дальше всё пошло как в замедленной съёмке. Время будто застыло, и в этой неподвижности я различал каждую мелочь.

Тварь летит, растянувшись в воздухе. Её тень скользит по воде. Мужик поднимает меч – слишком медленно, слишком поздно.

«Если она его достанет – всё зря», – мысль пронеслась в голове острой, ледяной иглой, отсекая всё лишнее.

А вожак смотрит прямо на меня. В его взгляде нет страха, только расчёт. Он решает, кто из нас опаснее.

Вдох. Задержка дыхания. Быстрый и плавный доворот с упреждением ствола. Плавный спуск.

И тут время срывается с тормоза.

Отдача ударила в плечо. Пахнуло порохом – горьким, резким; защипало глаза. Тварь от удара картечи дёрнулась вперёд и перелетела лодку, чудом не задев мужика. Она рухнула в воду с тяжёлым всплеском, и фонтан брызг взметнулся до небес.

Вся стая припала к земле от громкого выстрела. Вожак быстрее всех пришёл в себя, ушёл с линии огня за один из валунов и издал резкий отрывистый рык. Тут же, словно это был осмысленный приказ, в мою сторону прыгнул один из волков.

Выстрел.

Тушу волка отбросило в сторону. Вожак вышел из-за укрытия, подошёл и обнюхал тело своего собрата, не отрывая от меня взгляда. В его жёлтых, почти янтарных глазах читался интеллект.

Мы замерли друг напротив друга. Я смотрел ему прямо в глаза, не моргая, и транслировал только одну мысль: я здесь самый опасный хищник, и если кто-нибудь дёрнется, его постигнет та же участь, что и двух предыдущих тварей.

Вожак сделал шаг в мою сторону. Я нацелил на него ружьё с последним патроном.

Пауза. На мгновенье замерло всё – кажется, даже река остановила свой бег.

Вожак издал полулай-полурык. Двое оставшихся волков развернулись и потрусили по берегу против течения. Вожак выждал ещё две-три секунды, прикрывая отход остатков стаи, презрительно фыркнул, развернулся и принялся догонять собратьев.

Я выдохнул, а потом вдохнул полной грудью. Оказывается, всё это время я не дышал.